ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Т.П. АКИМОВА
(Волгоград)

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ПИСЬМО» В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ XIX–XX вв.: ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Представлена методика выявления эволюции содержания концепта «Письмо» в письмах классиков русской литературы XIX–XX вв. Определено контекстуальное окружение ключевого слова, вербализующего концепт, а также типовые ситуации, реализуемые высказываниями с данным словом. Выявлены различия в реализации определенных типовых ситуаций в письмах, относящихся к разным временным периодам, что может свидетельствовать об эволюции содержания концепта.

Ключевые слова: *высказывание, ключевое слово, концепт, лингвокультурология, типовая ситуация, эпистолярный текст.*

Концепция, в русле которой проводится данное исследование, характеризуется в работе С.Г. Воркачева как концептология в широком смысле, согласно которой «в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют “наивную картину мира” носителей языка» [1, с. 94]. Автор подчеркивает, что к лингвокультурным концептам относится «любой вербализованный культурный смысл, в какой-то мере отмеченный этнической спецификой вне зависимости от ее значимости (существенности-случайности) для национального характера» [3, с. 30]. В частности, практически любое культурно значимое понятие может получить статус концепта, а совокупность его репрезентаций считаться примерами его вербальной манифестации.

Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям, например по тематике, по носителям, по типам дискурса, по типам транслируемости [6, с. 15]. Соответственно, в зависимости от материала, на базе которого проводится анализ средств и способов вербализации концептов, можно выделить несколько их разновидностей: 1) так или иначе зафиксированные в языке; 2) используемые в текстах определенной стилистической или жанровой разновидности; 3) представленные в речевых произведениях одного автора.

Традиционно материалом для исследования в русле лингвокультурологии становятся произведения художественной и документальной литературы, имеющей статус общенационального культурного достояния. К таким текстам можно отнести и эпистолярное наследие русских писателей-классиков, носителей речевой культуры элитарного типа, обладающих «истинным мастерством владения языком, всем его богатством при соблюдении всех правил и ограничений» [8, с. 228].

Лингвокультурологические исследования имеют ономасиологическую ориентацию и идут от имени концепта к совокупности номинируемых им смыслов [2, с. 44–45]. Рассмотрение концепта происходит в несколько этапов. «Первый этап – анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Второй этап – выявление синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта. Третий этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Четвертый этап – определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы, исследование концептуальных метафор и метонимии. Пятый этап – исследуются сценарии. Сценарий – это событие, разворачивающееся во времени и/ или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено конкретными причинами, послужившими его появлению» [7, с. 18].

Изучение частных писем в русле лингвокультурологии предполагает выявление концептов, актуальных именно для эпистолярного текста, и определение особенностей их вербализации в анализируемом материале. К таким

© Акимова Т.П., 2016

особенностям, в первую очередь, относится контекстуальное окружение языковой единицы, которая актуализирует центральную точку концепта – его имя [6, с. 14]. При этом содержание концепта как парадигматической структуры выводится из синтагматических отношений имени, зафиксированных в тексте [9, с. 38].

В эпистолярном дискурсе, который можно рассматривать как типизированную «последовательность речевых актов, структура которой имеет относительно конвенциональный характер» [4, с. 104], лексические единицы, вербализующие лингвокультурные концепты, используются не только в определенном контекстуальном окружении, но и в определенных типизированных ситуациях. Анализ особенностей употребления ключевых слов в письмах классиков русской литературы позволяет установить закономерности их использования, обусловленные особенностями эпистолярного текста, и на их основе представить описание смыслового потенциала того или иного концепта.

В данной работе рассматриваются особенности изменения содержания концепта «Письмо» в эпистоляриях классиков русской литературы XIX–XX вв., вербализованного через одноименное ключевое слово, которое является наиболее частотной единицей представления данного концепта. Так, в 786 письмах А.С. Пушкина отмечено 437 случаев употребления (далее с/у) лексемы *письмо*, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 1388 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 1116, в 1195 письмах М. Горького – 941, в 499 письмах М.А. Шолохова – 285, в 613 письмах В.П. Астафьева – 635 с/у.

Нередко данное слово сопровождается в письмах определениями, выраженными прилагательными, реже числительными и причастиями, тематическое разнообразие которых позволяет разделить их на группы, представляющие характеристики следующих параметров письма (словообразовательные деривaты нижеприведенных единиц нами в данный перечень не включены): 1) объем: *большое, длинное, затянувшееся, короткое, краткое, маленькое, небольшое*; 2) содержание с точки зрения: а) общей его оценки: *великолепное, гнусное, докучливое, дорогое, забавное, замечательное, интересное, мерзкое, милое, нелепое, неприличное, неприятное, нужное, обыкновенное, отвратительное, отличное, плохое, поганое, полезное, прекрасное, приятное, симпатичное, скверное, славное, скучное, странное, удивительное, хорошее, чудесное*; б) выраженного в нем настроения, эмоций: *бодрое, веселое, восторженное, гневное, горестное, грустное, жизнерадостное, злое, истерическое, кислое, мрачное, отчаянное, пессимистическое, печальное, радостное, раздраженное, сердитое, серьезное, слезное, смиренное, трагическое, уморительное, унылое*; в) выраженных в нем черт, свойственных личности автора, или отношения к адресату: *бестемпераментное, благоразумное, бодрящее, вдохновительное, громящее, грубое, доброе, дерзкое, доброжелательное, душевное, жалостное, жесткое, искреннее, ласковое, любезное, мужественное, лестное, лукавое, любезное, лицемерное, нежное, обиженное, одобрительное, оскорбительное, остроумное, откровенное, покаянное, почтенное, провокационное, резкое, решительное, ругательное, скромное, сердечное, сильное, смелое, справедливое, строгое, сумасшедшее, суровое, сухое, таинственное, теплое, трепетное, трогательное, холодное, честное, энергичное*; г) логичности изложения мыслей и качества их оформления: *бессвязное, бестолковое, глупое, дельное, дикое, небрежное, нескладное, неуклюжее, пошлое, пустое, сумбурное, толковое, убедительное, умное, ясное*; д) подробности изложения мыслей: *обстоятельное, подробное, содержательное*; 3) особенности оформления: *безграмотное, европейское, испачканное, размашистое, французское*; 4) место / нумерация в эпистолярной коммуникации: *второе, другое, единственное, новое, первое, последнее, предпоследнее, предыдущее, прошлое, пятое, седьмое, следующее, третье, четвертое, шестое*; 5) время написания / получения: *вчерашнее, новогоднее, летнее*; 6) время, прошедшее с момента написания / получения письма: *давнее, долгожданное, запоздалое*; 7) место в классификации с точки зрения: а) отношений автора с адресатом: *деловое, дружеское, информационное, коллективное, любовное, ответное, официальное, товарищеское, частное*; б) способа отправки или количества адресатов: *заказное, закрытое, открытое, простое*; 8) принадлежность: *андреевское, барынино, детское, Светланино, суворинское, чиновницкое, чужое*; 9) место отправки: *венецианское, крымское*.

В результате анализа употребления определений к слову *письмо* можно отметить, что в письмах, датированных XIX в., авторы используют, помимо общеупотребительных, и индивидуально-авторские эпитеты. Так, в письмах А.С. Пушкина отмечены прилагательные *премеланхолическое*, *полукислое*, в письмах Л.Н. Толстого – *грустно-холодное*, *кротко-соболезнующее*, у А.П. Чехова – *политично-*

ругательно-нежное, *слезно-генеральское*. В анализируемых письмах XX в. окказиональных определений при слове «письмо» не отмечено.

Используя методику построения модели концепта на основе фрейма, предложенную В.И. Карасиком [5], можно представить модель концепта «Письмо» следующим образом: 1) в центре фрейма находится образ человека, который пишет / отправляет / получает письмо, автором которого является он сам (для первых двух действий), адресат или третье лицо (для третьего действия), причем происходит это в определенных обстоятельствах, нередко эксплицированных в письме; 2) в письме принято указывать причины создания письма и его завершения, выражать просьбу адресату о написании ответного письма, выражать благодарность / критику адресату по поводу содержания его последнего письма или благодарить адресата за предыдущее письмо в целом; 3) письмо представляет собой неполноценную замену непосредственного общения при его невозможности в данный момент, при этом прочтение письма вызывает у человека эмоции, подобные тем, которые появились бы при непосредственном общении.

Появление или исчезновение определенных типовых ситуаций, реализованных высказываниями с данным словом, в письмах, которые принадлежат определенным временным пластам, может свидетельствовать об эволюции содержания концепта. Так, не представлены в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого высказывания, представляющие следующие типовые ситуации:

1) сообщение о том, что автор ожидает письма от третьего лица (в письмах А.П. Чехова – 6 с/у, М. Горького – 8, М.А. Шолохова – 5, В.П. Астафьева – 6 с/у): *От Немировича до сих пор нет обещанного* ***письма*** [Ч2: 564]; *Жду* ***письма*** *Поссе* [Г1: 34]; *«Октябрь» постукивает т-ммы о высылке конца 5-ч., а я сижу и дожидаюсь* ***письма*** *от Грудской* [Ш: 72]; *Я не выдержал и написал* ***письмо*** *Рождественской с просьбой объяснить, что сие значит, но и она отмалчивается* [А: 16];

2) сообщение о том, что автор отправляет адресату письмо / копию письма третьего лица, адресованного автору (соответственно 5, 25, 7, 5 с/у): *Мне пришла охота отдать переписать и послать Вам* ***письмо*** *старика Григоровича, которое я получил вчера* [Ч1: 177]; *Посылаю Вам* ***письмо*** *Голанта, на которое я не отвечал и не отвечу* [Г1: 203]; *Пересылаю тебе, как депутату Ленсовета,* ***письмо*** *Волынцева* [Ш: 449]; *Как свидетельство того, что с самотеком в нашем журнале работают наплевательски, спустя рукава, я посылаю Вам* ***письмо*** *Политова, рассказ которого доделывался по моей просьбе и указаниям несколько раз* [А: 203];

3) извинение за избыточный объем письма адресату (14, 5, 5, 6 с/у): *Вы, конечно, простите, что я пишу Вам такое длинное* ***письмо*** [Ч1: 117]; *Ну, Вы простите меня за это, может быть, неясное и, во всяком случае, очень длинное письмо* [Г1: 104]; *Простите за многословность* ***письма*** [Ш: 190]; *Извините, Владимир Матвеевич, за длинное* ***письмо*** *и за некоторую сумбурность* [А: 28].

При этом только в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого представлены высказывания со словом «письмо», в которых содержится критика адресата за недостаточный объем письма (в письмах А.С. Пушкина – 5 с/у, Л.Н. Толстого – 6 с/у): *Сперва хочу с тобою побраниться; <…>* ***письма*** *твои слишком коротки – ты или не хочешь или не можешь мне говорить открыто обо всем…* [П1: 92]; *Пожалуйста не засни на лаврах, которыми ты можешь воображать, что увенчался, написав мне* ***письмо*** *в* $^{3}/_{4}$ *почтового листа, а продолжай мне писать почаще и подлиннее…* [Т1: 339].

В эпистолярных текстах рубежа XIX и XX вв. отмечены высказывания со словом *письмо*, в которых автор сообщает адресату о содержании своего письма третьему лицу (в письмах Л.Н. Толстого – 9 с/у, А.П. Чехова – 8, М. Горького – 5 с/у): *Несмотря на все мое видимое спокойствие, в душе у меня было неладно; и я чувствовал, что мне нужно было потребовать более положительного извинения от г-на Тургенева, что я и сделал в* ***письме*** *из Новоселок* [Т1: 569]; *В* ***письмах*** *к Щеглову я объясняюсь в нелюбви к театру* [Ч1: 305]; *Щербакову сообщил* ***письмо,*** *уговорил его «стараться» и т. д.* [Г1: 59].

Полагаем, что отсутствие извинений за избыточный объем письма, а также упреки адресату за недостаточный объем письма свидетельствуют о том, что эпистолярный этикет XIX в. диктовал необходимость написания больших, подробных писем. Появление, начиная с рубежа веков, извинений за большое письмо, а также отсутствие критики за краткость письма говорят о том, что требования к объему письма изменились в сторону его уменьшения. Появление же с конца XX в. ряда типовых ситуаций, связанных с упоминанием писем третьих лиц или третьим лицам, может свидетельствовать о том, что сообщаемая в письмах информация уже не воспринимает-

ся как конфиденциальная, эпистолярная коммуникация перестает быть беседой наедине, превращается в общение нескольких лиц, становится своеобразным полилогом.

Подтверждением данному наблюдению может также служить тот факт, что только в письмах А.С. Пушкина в высказываниях со словом «письмо» представлена критика адресата за разглашение информации из письма автора (5 с/у): *Зачем ты показал Плетневу* ***письмо*** *мое? в дружеском обращении я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами…* [П1: 129]. И напротив, в письмах А.С. Пушкина не отмечено сообщение о том, что автор пишет письма подряд нескольким адресатам, ср. в письмах Л.Н. Толстого – 6 с/у, А.П. Чехова – 5, М. Горького – 6, М.А. Шолохова – 5, В.П. Астафьева – 10 с/у: *Сейчас написал гору* ***писем,*** *милые, милые друзья Галя и Дима и Димочка, и вам пишу последним* [Т3: 617]; *Вчера кончил повесть для «Северн[ого] вестника», над которою возился весь сентябрь, и сегодня отвожу душу на* ***письмах*** [Ч1: 267]; *Так что «дела» – куча! Всем надо писать* ***письма,*** *доказывая, что без денег и капусты не заквасишь* [Г2: 281]; *Полтора месяца не брался за перо и вот только сейчас сажусь отвечать на* ***письма…*** [Ш: 308]; *Ответил на все* ***письма,*** *лежавшие на столе, чтобы иметь моральное право на отдых…* [А: 370].

Приведем другой пример, свидетельствующий об эволюции содержания концепта «Письмо» в эпистолярии XX в. В письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева не отмечено высказываний с лексемой *письмо*, в которых представлен вопрос о том, получил ли адресат предыдущее письмо автора, ср. в письмах А.С. Пушкина – 7 с/у, Л.Н. Толстого – 7, А.П. Чехова – 5, М. Горького – 16 с/у: *Что ты замолк? получил ли ты от меня* ***письмо,*** *где говорил я тебе об Ольдекопе, о собрании моих элегий, о Татьяне etc.* [П1: 347]; *Получили ли вы мое сладенькое* ***письмо*** *из Москвы?* [Т1: 420]; *За декабрь я послал Вам 3 рассказа и 3* ***письма.*** *Получили?* [Ч1: 109]; *Вы не ответили на мое* ***письмо*** *– получили ли Вы его?* [Г1: 9].

Можно предположить, что отсутствие данной типовой ситуации связано с тем, что в XX в. почтовая корреспонденция находилась в пути гораздо меньшее время, чем раньше, и автор отвечает строго на предыдущее письмо адресата, а не на те письма, которые были отправлены ранее. По содержанию письма адресата автор может определить, получил ли адресат его предыдущее письмо, и у него не возникает необходимости в подобных вопросах.

Критика адресата за отсутствие ответа на предыдущее письмо автора (упрек) не представлена в письмах В.П. Астафьева, ср. в письмах А.С. Пушкина – 6 с/у, Л.Н. Толстого – 5, А.П. Чехова – 6, М. Горького – 6, М.А. Шолохова – 5 с/у: *Брат писал мне, что ты в Царском Селе, что он переписал для тебя мои стихи, а от тебя жду, жду* ***письма*** *и не дождусь* [П1: 460]; *Как тебе не совестно, Сережа, не отвечать на* ***письмо,*** *ответ на которое очень интересует меня?* [Т1: 350]; *Я тоже писал Вам в Москву, приглашая Вас, но и мое* ***письмо*** *осталось гласом вопиющего в пустыне* [Ч1: 516]; *Часто вспоминали Вас, а Вы за все лето ни одного* ***письма!*** [Г2: 257]; *Я все поджидаю от тебя* ***письмо.*** *Что же ты, паршивка, не пишешь?* [Ш: 23].

Данный факт может свидетельствовать как об исчезновении одного из компонентов в структуре концепта «Письмо», так и об индивидуально-авторской специфике в репрезентации концепта посредством высказываний с одноименной лексемой.

Приведем примеры реализации других типовых ситуаций посредством высказываний со словом *письмо*, отмеченных в письмах только одного из анализируемых авторов, которые, на наш взгляд, эксплицируют индивидуально-авторские черты эпистолярного стиля писателей XX в.

К особенностям эпистолярного идиостиля М.А. Шолохова относятся высказывания со словом *письмо*, реализующие интенцию просьбы, а именно:

1) просьба к адресату не писать ответного письма автору, поскольку он вскоре уезжает и письмо не будет им получено (10 с/у): *Пиши мне до 1-го мая, а после* ***письма*** *не пиши, т. к. придут с запозданием, меня в Москве уже не будет* [Ш: 66];

2) просьба к адресату совершить определенное действие после получения письма (5 с/у): *Как только получишь это* ***письмо*** *– выпей вечером за нас с тобой!* [Ш: 531].

Специфической чертой эпистолярного идиостиля В.П. Астафьева являются высказывания с лексемой *письмо*, в которых автор приносит извинения адресату за то, что письмо написано не от руки, а напечатано на машинке (6 с/у): *Ещё извини, что отдал* ***письмо*** *на машинку жене. Почерк у меня ужасный, а тут ещё рука болит и пишу с трудом и вовсе неразборчиво* [А: 127].

Появление в письмах XX в. типовых ситуаций, не отмеченных ранее, может также свидетельствовать о расширении содержания концепта «Письмо» в этот период.

Таким образом, в работе установлены изменения в содержании концепта «Письмо» путем выявления наличия или отсутствия определенных типовых ситуаций, реализованных высказываниями с лексемой *письмо*, в письмах XIX (А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого), рубежа XIX и XX вв. (Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и М. Горького) или XX в. (М.А. Шолохова и В.П. Астафьева). Определены также индивидуально-авторские различия в представлении типовых ситуаций посредством высказываний с лексемой *письмо*, которые отражают специфику реализации одноименного концепта в письмах конкретного автора.

Список источников и принятых сокращений

А – Астафьев В.П. Нет мне ответа… Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. 2-е изд., доп. Иркутск: Изд. Сапронов, 2009.

Г1 – Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. М.: Худож. лит., 1954.

Г2 – Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907–1926 гг. М.: Худож. лит., 1955.

Г3 – Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936 гг. М.: Худож. лит., 1955.

П1 – Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. I. 1815–1826. М.: Захаров, 2006.

П2 – Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. II. 1827–1831. М.: Захаров, 2006.

П3 – Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. III. 1832–1837. М.: Захаров, 2006.

Т1 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. XVIII. Письма. 1842–1881 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 305–912.

Т2 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. XIX. Письма. 1882–1899 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 3–459.

Т3 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. XX. Письма. 1900–1910 гг. М.: Худож. лит., 1984. С. 460–758.

Ч1 – Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Письма 1877–1892. М.: Гослитиздат, 1956.

Ч2 – Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Письма 1893–1904. М.: Гослитиздат, 1957.

Ш – Шолохов М.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Письма. 1924–1984 гг. М.: Сов. писатель, 2005.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 79–95.

2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.

3. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007.

4. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 1999. С. 103–112.

5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2002. С. 166–205.

6. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. Т.1. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2005. С. 13–15.

7. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. Т.1. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2005. С. 16–19.

8. Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Либроком, 2009.

9. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя *судьба* как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1996. № 6. С. 20–41.

* * *

A – Astaf'ev V.P. Net mne otveta… Jepistoljarnyj dnevnik 1952–2001 / sost., predisl. G. Sapronova. 2-e izd., dop. Irkutsk: Izd. Sapronov, 2009.

G1 – Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 28. Pis'ma, telegrammy, nadpisi. 1889–1906 gg. M.: Hudozh. lit., 1954.

G2 – Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 29. Pis'ma, telegrammy, nadpisi. 1907–1926 gg. M.: Hudozh. lit., 1955.

G3 – Gor'kij M. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 30. Pis'ma, telegrammy, nadpisi. 1927–1936 gg. M.: Hudozh. lit., 1955.

P1 – Pushkin A.S. Pis'ma: v 3 t. T. I. 1815–1826. M.: Zaharov, 2006.

P2 – Pushkin A.S. Pis'ma: v 3 t. T. II. 1827–1831. M.: Zaharov, 2006.

P3 – Pushkin A.S. Pis'ma: v 3 t. T. III. 1832–1837. M.: Zaharov, 2006.

T1 – Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij: v 22 t. T. XVIII. Pis'ma. 1842–1881 gg. M.: Hudozh. lit., 1984. S. 305–912.

T2 – Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij: v 22 t. T. XIX. Pis'ma. 1882–1899 gg. M.: Hudozh. lit., 1984. S. 3–459.

T3 – Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij: v 22 t. T. XX. Pis'ma. 1900–1910 gg. M.: Hudozh. lit., 1984. S. 460–758.

Ch1 – Chehov A.P. Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 11. Pis'ma 1877–1892. M.: Goslitizdat, 1956.

Ch2 – Chehov A.P. Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 12. Pis'ma 1893–1904. M.: Goslitizdat, 1957.

Sh – Sholohov M.A. Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 10. Pis'ma. 1924–1984 gg. M.: Sov. pisatel', 2005.

♦ ♦ ♦

1. Vorkachev S.G. Metodologicheskie osnovanija lingvokonceptologii // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. Vyp. 3: Aspekty metakommunikativnoj dejatel'nosti. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2002. S. 79–95.

2. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. M.: Gnozis, 2004.

3. Vorkachev S.G. Ljubov' kak lingvokul'turnyj koncept. M.: Gnozis, 2007.

4. Gajda St. Zhanry razgovornyh vyskazyvanij // Zhanry rechi. Vyp. 2. Saratov: Izd-vo GUNC «Kolledzh», 1999. S. 103–112.

5. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v jazyke // Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Izd-vo «Peremena», 2002. S. 166–205.

6. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Bazovye harakteristiki lingvokul'turnyh konceptov // Antologija konceptov / nauch. red. V.I. Karasik, I.A. Sternin. T.1. Volgograd: Izd-vo «Peremena», 2005. S. 13–15.

7. Pimenova M.V. Metodologija konceptual'nyh issledovanij // Antologija konceptov / nauch. red. V.I. Karasik, I.A. Sternin. T.1. Volgograd: Izd-vo «Peremena», 2005. S. 16–19.

8. Horoshaja rech' / pod red. M.L. Kormilicynoj i O.B. Sirotininoj. 3-e izd. M.: Librokom, 2009.

9. Chernejko L.O., Dolinskij V.A. Imja *sud'ba* kak ob#ekt konceptual'nogo i associativnogo analiza // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 1996. № 6. S. 20–41.

Evolution of the concept "letter" in the Russian epistolary text of the XIX-XX centuries: linguistic culturological description

The article represents the methods of finding out the evolution of the concept "letter" in the letters of classical writers in Russian literature of the XIX-XX centuries. The author determines the context of the key word which verbalizes the concept, as well as the typical situations implemented by means of this word. The differences in implementation of some typical situations in letters are found out; they refer to various periods of time, which shows the evolution of the concept.

Key words: *typical situation, statement, key word, concept, linguoculturology, epistolary text.*

(Статья поступила в редакцию 23.06.2016)

А.К. КАРДАНОВА
(Нальчик)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ВОПРОСОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Описаны проблемы терминологического многообразия и полисемантичности современных исследований в области языкознания. Обоснована нецелесообразность разграничения коммуникативного и когнитивного сознания, предлагается заменить их понятиями коммуникативной и когнитивной функций сознания, имеющего языковую природу.

Ключевые слова: *терминологическая многозначность, сознание и мышление, языковое, коммуникативное и когнитивное сознание, структура сознания, функции сознания.*

В процессе межкультурной коммуникации имеют место не только своеобразное взаимовлияние и взаимопроникновение отдельных языковых единиц и культурных элементов, но и прежде всего соприкосновение различных типов языкового сознания, что и является основной причиной межкультурных неудач либо недостаточной эффективности межкультурной коммуникации. Возрастающий в этой связи интерес исследователей к природе и функции сознания в процессе мышления и порождения высказывания послужил своего рода «толчком» для появления значительного количества работ, посвященных рассматриваемой проблематике и проясняющих некоторые ее содержательные вопросы, в частности взаимосвязь языка, сознания, речи и мышления. В то же время очевидно и увеличение терминологической вариативности в описании явлений одного порядка. Так, оперирование терминами *языковое сознание* и *языковое мышление* как синонимичными, равно как и разграничение понятий языкового, коммуникативного и когнитивного сознания, зачастую затрудняет их дальнейшее исследование.

Соответственно, в данной статье мы ставим целью попытку определить целесообразность и избыточность терминологического многообразия описания вопросов языкового сознания и мышления. Так, к примеру, при том, что термин «языковое сознание» является общепринятым, можно утверждать, что на

© Карданова А.К., 2016